

МОЕ МУРАНОВО

Марина Львова

Писать о Муранове нетрудно, потому что, когда начинаешь вспоминать давно прошедшие годы, память легко подбрасывает одно событие за другим, свидетельницей или участницей которых я была. И, конечно, в первую очередь мысль обращается к личности замечательного человека, по-моему, единственному абсолютному знатоку творчества Федора Ивановича Тютчева и хранителю Музея-усадеб Мураново — Кириллу Васильевичу Пигареву.

Я не беру на себя смелость характеризовать Кирилла Васильевича как ученого-литературоведа, мне просто очень радостно еще раз вспомнить о своей работе в этом удивительном месте, особенно о встречах с Кириллом Васильевичем.

Впервые я встретила с ним в его московской квартире в Собиновском переулке зимой 1964 года.

Жил Кирилл Васильевич в большой коммунальной квартире, и, чтобы добраться до двери его комнат, надо было пройти через огромную кухню и полутемные коридоры, заполненные вещами, не помещавшимися в комнатах. И вот я переступила, наконец, порог обиталища Пигаревых и очутилась совсем в другом мире. Напротив двери красовался камин с высоким зеркалом, старинная мебель из красного дерева, большое количество фотографий и живописных портретов на стенах создавали впечатление, что именно отсюда начинается Мураново. Трудно было удержаться от желания остановиться у входа на минутку и рассмотреть хоть что-нибудь. Но передо мной уже стоял человек среднего роста, довольно плотного сложения, в строгом темном костюме и, протягивая мне руку, приветливо улыбался. Поздоровавшись, он усадил меня в уютное кресло, сам сел напротив и, не переставая улыбаться, ждал моего объяснения причины появления в его доме. И я, видимо, со страху сразу же выпалила:

— Кирилл Васильевич, я хочу работать в Муранове!

Он вдруг весело рассмеялся и, как мне показалось, в шутку произнес:

— Да? Ну и что ж, приезжайте в Мураново, посмотрите, потом поговорим.

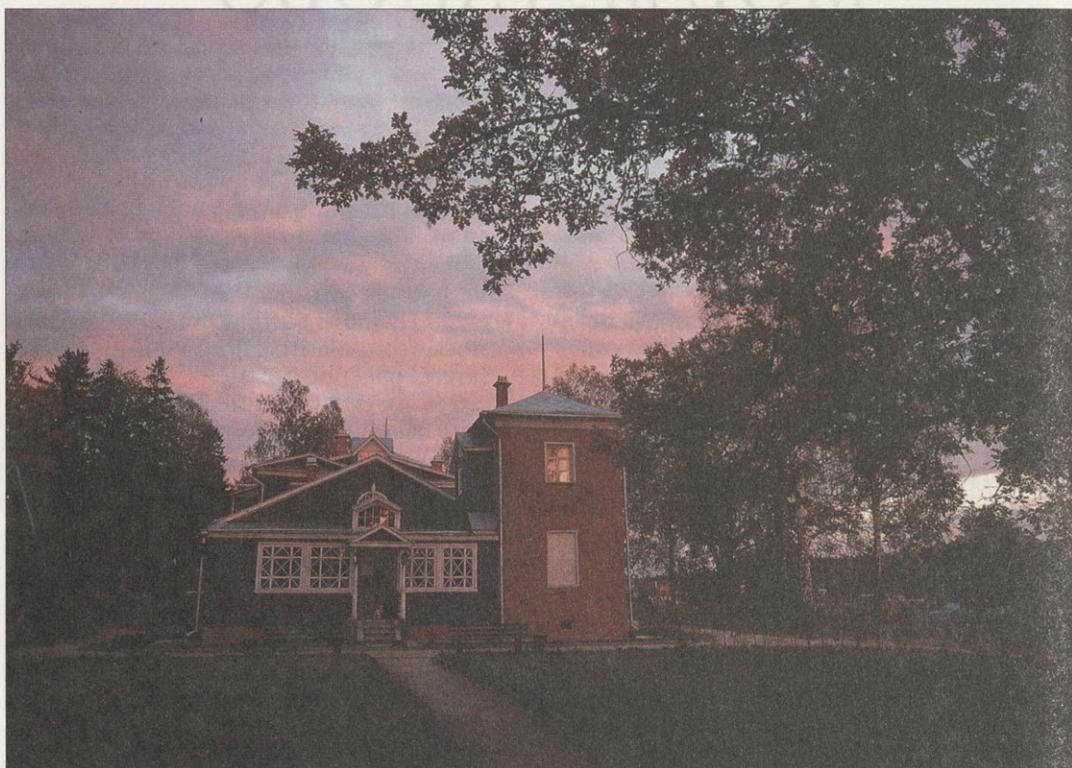
Затем, расспросив меня немного обо мне, о моих родных, о моей работе, он наконец задал мне вопрос, которого я больше всего боялась: знаю ли я поэзию Тютчева? И я должна была, к своему стыду, откровенно признаться: «Почти не знаю». Про себя решила, что на этом пришел конец нашей беседы и мне пора откланяться, т.к. Муранова мне не видать.

Но, прощаясь со мной, Кирилл Васильевич неожиданно сказал:

— До встречи в Муранове в ближайшее воскресенье, если вас это устраивает.

Меня это устраивало.

А с Мурановом я познакомилась еще раньше. В середине зимы этого же года моя сестра, которая любила и хорошо знала Мураново, повезла меня туда. Четыре километра от станции Ашукинская мы шли пешком, сначала лесом, потом полем, утопая в снегу почти по пояс. Наконец вдаль показался красный дом, рельефно просматривающийся на фоне ослепительно белого снега. Замерзшие, все в снегу, мы вошли на веранду в надежде хоть немного согреться в помещении музея, но, увы... Музей не отапливался. В залах было холоднее, чем на улице, и некоторые посетители выбегали наружу, чтобы согреться. А экскурсовод как ни в чем не бывало продолжала свой рассказ. Хотя ее ресницы и волосы были покрыты имею, но голос был необыкновенный: теплый, доверчивый, даже с интимной интонацией — он буквально завораживал. Я прослушала экскурсию до конца и, очарованная всем тем, что увидела и услышала, вдруг четко поняла: это мое дело, и я должна здесь работать! С этим решением я вернулась в Москву и стала приставать к друзьям и знакомым, знавшим Кирилла Васильевича, чтобы они рекомендовали меня на работу в Мураново. Я готова была расстаться со школой, где проработала почти двадцать лет и довольно прилично зарабатывала, я готова была терпеть все бытовые неудобства, которых в Муранове было немало, я желала только одного: встречи с директором Музея Пигаревым.

Главный дом в вечерние часы

О первой встрече с Кириллом Васильевичем я уже рассказала, а вторая произошла в то воскресенье, в которое он меня пригласил.

Это был прекрасный незабываемый день. Стояла теплая солнечная погода, зима была уже на исходе, и в воздухе пахло весной. Кирилл Васильевич любезно предложил мне пройтись с ним по залам Музея, и, несмотря на холод, мы довольно долго оставались в помещении. А потом пошли в директорский дом, где было тепло и уютно, за большим длинным столом пили чай (к нам присоединились экскурсоводы, свободные от экскурсионных групп), и началось то, чем мы все так дорожили впоследствии: разговоры с Кириллом Васильевичем!

Но вот наступило первое мая 1964 года. Этот день стал для меня самым счастливым. В этот день Кирилл Васильевич наконец ответил «Да» на мой вопрос, берет ли он меня на работу. С этого дня я стала полноправным научным сотрудником-экскурсоводом Музея-усадьбы Мураново с окладом 54 рубля в месяц. Хотя уже давно я каждый день приезжала в Мураново, изучала экспозицию, читала нужную литературу, учила стихотворения и даже водила груп-

пы. Кроме того, познакомилась с сотрудниками Музея, которых к тому времени было немного, всего четыре человека. Все были молодые, влюбленные в Музей, в Тютчева, Боратынского и, конечно же, в своего директора К.В. Пигарева. Наблюдая за своими коллегами, я восхищалась их отношением к работе: их деятельность даже нельзя было назвать работой, вернее, это было служение возвышенному и прекрасному; оно исполнялось искренне и вдохновенно, словом — они любили то, что делали. Это главное, что я переняла у своих коллег.

Кирилл Васильевич официально никогда не устраивал прослушивания наших экскурсий. Только тогда, когда он находился в залах, а мы вели группу, он, чтобы не смущать нас, незаметно прислушивался из другой комнаты и, откровенно говоря, находил немало неточностей, а порой даже ошибок в наших рассказах. К концу рабочего дня мы обыкновенно собирались в стеклянном фонаре при входе в музей, болтали, шутили, делились впечатлениями о своих экскурсиях. Но вот появлялся Кирилл Васильевич, и начинался разговор в другом тоне. Очень тактично, не называя имени, он передавал текст, который слы-

шал, и интересовался, кто первый заметит в нем ошибку.

Мы любили эти вечерние «посиделки», так как «разговорить» Кирилла Васильевича было нетрудно — мы узнавали много нового и важного для себя и наших экскурсий в этих запомнившихся беседах. Каждая встреча с Кириллом Васильевичем, где бы она ни происходила: в аллее парка, в его доме, в залах Музея, даже по пути в Мураново, в электричке — наполняла нас светлой радостью. Он любил шутить и весело, задорно при этом смеялся. Вообще, в его характере было что-то детское, наивное, непосредственное. Именно эти черты снимали неловкость при общении с ним и помогали чувствовать себя просто и естественно. И что всегда у меня вызывало к нему величайшее уважение — в ответ на наши вопросы, немного смущаясь, признаваться:

— «А этого я не знаю».

И это означало, что искать ответа — бесполезно.

Зимой Кирилл Васильевич бывал в Муранове реже, чем летом. Иногда мы встречались в Ленинской библиотеке. Он заглядывал в третий зал, находил наши места, просматривал литературу, с которой мы работали. Иногда мы вместе шли в буфет чего-нибудь перекусить.

Не могу не остановиться на отношении всех мурановцев и, в частности, меня, к самому Музею и к музейной экспозиции.

Во-первых, мы никогда не называли мурановский дом музеем — это был наш Дом, в котором мы проводили большую часть дня. Все, что хранилось в доме, было нам бесконечно дорого, и мы отлично понимали бесценность каждого экспоната. От портретов, украшавших стены залов, исходила какая-то мистическая сила, связывающая нас с ними. Мы чувствовали себя хранителями их тайн и секретов, мы знали истории их создания и жизненные судьбы изображенных на них лиц. И каждый раз, открывая наш дом, проходя по пустым комнатам, мы проникались атмосферой времени и как бы становились незримыми свидетелями жизни ушедших поколений. Энергия, исходящая от каждого предмета, усиливала желание поделиться всем известным только нам со всеми, кто приходил в наш дом.

Моя не очень долгая жизнь в Муранове в корне изменила мое мировоззрение, научила думать, рассуждать и, не побоюсь сказать, немало способствовала формированию моей личности.

Каждый год в течение 38 лет я обязательно приезжаю в Мураново, в мой, ставший мне родным дом.

Я привожу сюда своих друзей, с ностальгической радостью рассказываю им об этой «милей стране», и вновь воспоминания переносят меня в самую прекрасную пору моей жизни.

